

Советах страны в среднем поднялась до 40 %. В Иркутской области этот показатель значительно отставал от всесоюзного: депутатами местных Советов 3-го созыва (1950 г.) были избраны 28,7 % женщин, 4-го (1953 г.) – 23,5 %, 5-го (1955 г.) – 33,8 % [5].

Несмотря на зависимое положение колхозников от руководства сельхозартелей и от партийных органов, в котором находились рядовые колхозники, они имели свою точку зрения на общественно-политическую жизнь в стране, в том числе и на избирательную систему, и не боялись высказывать ее. Так, например, в своем письме секретарю ЦК ВКП(б) Жданову секретарь первичной парторганизации села Долоново Братского района задавал следующий вопрос: «Наша избирательная система является самой демократической, но почему допускается до сего времени в практике кооптация руководящих работников, на примере своего района знаю: ни одного секретаря РК ВКП(б) и председателя РИК не было избрано на месте, а все присылаются и отзываются областью, и далее, почему депутаты не отчитываются перед своими избирателями?» [6].

Таким образом, рассматривая систему советских послевоенных выборов, отметим, что население Приангарья существовало не изолированно, а подчинялось общей стратегии развития советского общества и было

связано со всеми направлениями государственного курса. Крестьянство Приангарья активно участвовало во всех послевоенных выборах и формировало местные традиции в части культурного обеспечения данного политического действия. Устные свидетельства показывают, что идеологическая окраска данных «торжеств» для сельских жителей была крайне незначительна.

Литература

1. Информации секретарей первичных парторганизаций и отдела пропаганды и агитации ВКП(б) 1950 г. // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.). Ф. 1108. Оп. 3. Д. 20. Л. 10. об.
2. Колонка редактора // Знамя коммунизма. 1947. 6 фев.
3. Переписка с первичными парторганизациями по вопросам массово-политической работы и соцсоревнованию 1950 г. // ГАНИИО Ф. 210. Оп. 13. Д. 67. Л. 10.
4. Праздник в Балухаре // Колхозник. 1946. 14 фев.
5. Шевченко Л.А. Политическое представительство женщин Приангарья (исторический аспект) // Альманах современной науки и образования. 2011. № 3 (46). С. 58-61.
6. Жалобы, заявления и переписка по ним (отдел пропаганды) 1948-49 гг. // ГАНИИО Ф. 127. Оп. 30. Д. 214. Л. 96-97.

УДК 911.3:614.2

Изменения в традиционном питании коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX века

В.А. Кудашкин

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

Slava1982_@rambler.ru

Статья поступила 02.02.2014, принята 18.03.2014

На основе опубликованных и экспедиционных материалов проанализированы изменения материальной культуры у коренных малочисленных народов Восточной Сибири на примере содержания национальной кухни под влиянием национальной политики советского государства в условиях освоения новых территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, коренные малочисленные народы, материальная культура, изменения национальной кухни.

Changes in traditional meals of native minorities in Eastern Siberia in the second half of XX century

V.A. Kudashkin

Bratsk State University, 40 Makarenko St., Bratsk, Russia

Slana1982_@rambler.ru

Received 02.02.2014, accepted 18.03.2014

The article deals with the changes of material culture of native minorities in Eastern Siberia in terms of ethnic cuisine under national Soviet policy in the period of expansion of Northern, Siberian and Far East territories and based on the analysis of already published and field research.

Keywords: Eastern Siberia, native minorities, material culture, changes in ethnic cuisine.

В силу определенных факторов национальной политики советское правительство попыталось унифицировать этническую идентичность в виде понятия «советский народ» [1].

В конце 50-х гг. XX в. партийная работа на местах велась через агитационные бригады, задача которых состояла в формировании единого идеологического пространства. Такая политика дала результаты уже к концу 1960-х гг. [2]. Коренные малочисленные народы севера Красноярского края – эвенки, эвены, долганы и нганасаны были вынуждены перейти на оседлость. Это, в свою очередь, значительно повлияло на изменения материальной культуры.

Пищевые традиции сохранились, но не везде. В поселках боровая дичь практически не входила в рацион питания. Ее употребление было связано лишь с нахождением на промысле – в тайге. Например, наиболее часто употребляемое мясное блюдо из дичи у тофаларов называлось «шиш», приготовление этого блюда напоминает приготовление шашлыка. Мясо нанизывалось на деревянные палочки, затем эти палочки втыкались в землю, с наклоном к костру. По этой же технологии пекли рыбу. Приготовленная таким способом, она также называлась «шиш» [3]. Довольно часто в тайге пекли «талан» – хлеб, напоминающий лепешку. Он приготавливался из теста, завернутого в газету, которое закапывали в песок под костром.

В период 50-70 гг. XX в. в рационе питания тофаларов важное место занимало оленьё молоко, которое шло в пищу. Часто его

заготавливали впрок, на всю зиму. Обычно дойку ингенгов начинали, когда анаи уже окрепли. Доение оленух осуществлялось один раз в сутки, и надой составлял около полстакана. Летом молоко пили только с чаем, часто подсаживая при этом. Из молока изготавливали сметану и масло. Собранное за день или два молоко кипятили, остужали и заливали в плотный полотняный мешочек. Молоко вначале немного просачивалось через полотно, а потом затвердевало.

Для хранения молока использовали кишки животных. У любого убитого зверя медленно вынимали кишки и очищали их. Потом их разрезали на части, и каждую перевязывали крепко с одного конца, с другого надували и перевязывали, подвешивали и сушили. Высохшие кишки складывали гармошкой и хранили до использования. Перед употреблением слегка смачивали теплой водой и затем заливали кипяченым остывшим молоком. Получившиеся колбаски укладывали на лабаз, где они постепенно затвердевали. По мере необходимости отрезали от колбаски требуемый кусок и съедали, запивая чаем. Как говорил житель п. Алыгджер П.Н. Унгуштаев, – «мы ели мороженое молоко, как хлеб, с чаем. Поешь так и ходишь совсем сытый. Сытная еда, долго тогда жили. Это было новое питание. Мясо не всегда добудешь, а оленей тогда берегли» [4]. Молоко раньше хранили в кожаных мешках, изготовленных из целой, неразрезанной обработанной шкуры кабарги, или из вывернутого, тоже обработанного, желудка. Для сбора молока и хранения сметаны или масла ис-

пользовали туеса, сшитые из двухслойных кусков бересты волосяными нитками. Туес имел форму усеченного конуса, крышка – такой же формы [5]. Из туеса молоко не выплескивалось на ходу, если задвинуть плотно крышку.

Приготовление и хранение молочной продукции сохранялось и широко использовалось долганями, нганасанами, эвенками и тофаларами. Вместе с тем, в отличие от тофаларов, народы Красноярского севера употребляли молочную продукцию реже, так как в их основной рацион входили рыба и мясо. Рецепты национальной кухни передавались из поколения в поколение. Во многих семьях для приготовления пищи стали применять рецептуру столовых [6]. Суп варили из мяса, мясных консервов, заправляя его картофелем, вермишелью, макаронами, луком. Уха готовилась из свежей рыбы, рыбу жарили на масле, на сковороде. Кроме того, тушили мясо с картофелем, варили различные каши, макароны, вермишель.

Журналы и газеты становились источниками сведений о новых способах приготовления и консервации овощей, рыбной и мясной продукции. Но, поскольку не все коренное население умело читать, рецепты знали лишь единицы [7].

В 1980-е гг. тофалары уже не вялили мясо в тайге, убив летом изюбря или лося. Его всеми силами старались доставить в поселок, где обрезали чистое мясо и готовили из него либо тушенку, которую потом закатывали в банки, либо резали мясо кусками, набивая его в трехлитровые банки.

Техника закатывания получила довольно широкое применение. Собирали различные ягоды и варили варенье. Консервировали помидоры и огурцы, солили грибы, солили и коптили рыбу. Из коровьего молока научились делать разнообразные продукты, и уже использовали не только молоко или сливки после сепарирования, но и творог, сметану, масло и даже сыр. Многие начали выпекать дома хлеб, используя специальные формы. После замеса теста его выкладывали на сковороду и выпекали в духовке.

У тофаларов растительная пища зимой состояла, в основном, из высушенных луковиц сараны и кедровых орехов. Из покупной ржаной муки, замешанной на горячей воде,

пекли в золе очага или на раскаленных камнях лепешки, ели также мучную болтушку с солью. Рыба играла незначительную роль в питании, ее ели вяленой, жареной, зимой – мороженой, в виде строганины. «Круглый год пили подсоленный зеленый чай. Но с появлением листового байхового черного чая зеленый стали забывать», – рассказал житель п. Алыгджер Ю.И. Анциферов [3].

В национальной кухне кетов росла доля покупных завозимых продуктов, количество национальных блюд в рационе уменьшалось. Однако полного вытеснения традиционной пищи не произошло, рыба и дичь продолжали играть весьма существенную роль в рационе. Опрос, проведенный в 1989 г., показал: 94,5 % взрослых кетов (старше 16 лет) знакомы с национальной кухней, а в 48,3 % семей национальные блюда готовятся регулярно. Реже они встречались в семьях, в составе которых не было охотников-промысловиков, или вообще не было мужчин [8].

В целом в изучаемый период полного исчезновения традиционной кухни не произошло. В связи с кризисом хозяйства многие кеты бассейна реки Енисей все чаще были вынуждены обращаться к дарам тайги, особенно безработные [9].

Необходимо отметить, что в тайге национальные блюда в рассматриваемый период перестали быть основой питания, превращаясь в дополнение к продуктам, которые приобретали в магазинах. Основу питания в большинстве семей составляли блюда из покупных продуктов, традиционная пища являлась лишь добавлением к этому рациону. В 60-80-е гг. XX в. соотношение блюд из приобретенных в магазинах и традиционных продуктов постепенно менялось в пользу первых, однако полной замены не произошло.

Однако такая картина была не характерна для нганасанов, народов, проживающих на севере Красноярского края, которые всегда вели кочевой образ жизни, и лишь с начала 1970-х гг. были прикреплены к мелким поселкам.

Отметим, что одной из наиболее страшных угроз для малочисленных народов являлась проблема распространенности алкоголизма разных степеней тяжести. Ряд эвенкийских населенных пунктов в конце 1970-х гг., например, Канакар и Тетя в Катангском

районе Иркутской области, получили название «пьяных деревень» [9]. Когда туда приезжали специалисты, то, как обычно, жители были пьяными.

С алкоголизмом была связана высокая смертность от несчастных случаев, самоубийств и убийств [10]. Так, в анализе причин смертности среди эвенков Иркутской области и Красноярского края в конце 1970-х – начале 1980-х гг. на первом месте ежегодно стояла «смерть от несчастных случаев (включая самоубийства, утопление, замерзание, алкогольную интоксикацию)» [11]. То же самое наблюдалось и в структуре детской смертности – в большинстве случаев общая детская смертность была связана со злоупотреблением алкоголя.

Но самое тяжелое положение возникло у тофаларов. Лишенные привычного уклада и даже привычных вещей, оторванные от тайги и своей религии, они стали пить еще больше. Разными комиссиями, курировавшими положение в Тофаларии, неоднократно отмечалось, что сюда завозилось большое количество водки. Только за первое полугодие 1959 г. на каждого взрослого было продано спиртного приблизительно на 1 000 рублей [9].

В 1961 г. было введено ограничение продажи спиртных напитков, а в 1962 г. отмечалось, что в связи с ограничением продажи спиртных напитков отмечены случаи отравления одеколонами [11]. Таким образом, в случае даже маленького перерыва, тофы начинали пить всякие суррогаты, то есть все, вплоть до зубной пасты. После привоза спиртного производственная деятельность в поселках замирала ровно настолько, насколько хватало спирта.

В 1962 г. отмечалось, что план товарооборота выполнен на 102,4 %, но не завозят овощей и фруктов в достаточном количестве, нет подков, подковных гвоздей, веревок, кормовой соли, муки для собак [2]. Таким образом, выполнение товарооборота обеспечивалось не за счет завоза необходимых товаров и продуктов питания, а благодаря поставкам винно-водочной продукции.

В 1965 г. Иркутский облисполком принял решение «О порядке торговли винно-водочными изделиями» (проработка письма облпотребсоюза): «продавать с 4-х часов дня,

кроме воскресенья. Запретить продажу пьяным лицам и из дома в вечернее и ночное время. За нарушение правил торговли — штраф (сумма не обозначена)» [10].

Через год, в 1966 г., облпотребсоюз выделил фонды согласно доходам тофаларского райпо, с учетом особенностей района, в пределах 15 000 декалитров спиртных напитков. Оговаривалось, что продажу следует производить, следуя установленному минимуму для тофаларского райпо, т. к. сокращение или прекращение продажи винно-водочных изделий может вызвать усиленное самогонное варение.

О пьянстве тофов говорили все, кто когда-либо бывал в Тофаларии. Рассказывали туристы, журналисты, участники различных экспедиций, даже соседствующие окинские буряты говорили: «тофы сильно пьют» [10]. Попав однажды под влияние сильной культуры пришлого населения, жизнь тофов была полностью исковеркана нововведениями, а само население умышленно спаивалось. Основной задачей любой торговли и любой власти было любыми средствами выкачать как можно больше пушнины у коренного населения. Так умышленно, шаг за шагом была сформирована приверженность к алкоголю у этого маленького народа.

Таким образом, у тофаларов и эвенков Иркутской области и эвенков Красноярского края, знавших алкоголь только в виде перебродившего молока, в процессе эволюции появился иной фермент, чем у оседлых европейцев, имеющих давнюю традицию производства более крепких напитков из винограда и зерна. Ученые установили, что организм у аборигенов абсорбирует в кровь на 50 % больше алкоголя в момент пика, а расщепляет его в процессе метаболизма гораздо медленнее. Вот и получается, что напивались они сильнее, и похмелье у них проходило тяжелее. К тому же, они подвергались большему риску приобрести алкогольную зависимость. Спирт, попав в организм, начинал убивать нервные клетки, печень, весь желудочно-кишечный тракт, сердечнососудистую систему. Следовательно, история алкоголизма теперь является неотъемлемой частью самой истории тофаларского и эвенкийского народов.

Материалы архивов Красноярского края дают сведения о небольшом распространении алкоголизма у нганасанов и долганов, проживавших на Таймыре. Это объясняется тем, что нганасаны и долганы перешли к оседлой жизни в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в., позже, чем эвенки, кеты и тофалары. Соответственно отрыв от привычного жизненного уклада в лесотундре и следующий за ним процесс «поселкования» произошел позже, отодвинув процесс вредного воздействия алкоголя. Также удаленное географическое положение районов проживания нганасанов и долганов усложняло доступность ввоза алкогольных напитков.

Таким образом, во второй половине XX в. произошло численное увеличение почти всех малочисленных этносов. Возрос культурный уровень народов Сибири. Развитие культуры происходило на русской основе, уменьшилась сфера национально-культурной традиции. В этнической истории коренных народов Сибири происходили противоречивые процессы. С одной стороны, у большинства народов произошел прорыв эндогамии, началась массовая метисация, а с другой, смена языка и утрата многих национальных черт материальной и духовной культуры (пища, жилище, одежда, обряды, обычаи, верования).

Литература

1. Юдин В.И. Региональный опыт взаимодействия с коренными малочисленными народами Севера // *Человеческий капитал*. 2013. № 8. С. 41-44.
2. Кудашкин В.А., Бояринова М.М. Государственная политика и проблема адаптации эвенков Прибайкалья в XXI в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики*. 2013. № 6-2 (32). С. 88-91.
3. Кудашкин В.А., Лукомский А.В., Фалунина Е.В. Тофалария сегодня // *Труды Братского государственного университета: сер. Гуманитарные и социальные науки*. 2007. Т. 1. С. 185-189.
4. Историко-этнографическая экспедиция в п. Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области. Июль 2010 г. // *Арх. Кудашкина В.А.*
5. Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск. Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1994. 300 с.
6. Качанов В.Н. Жизнь с Историей: сб. ст. и материалов. Иркутск: Отгиск, 2011. 178 с.
7. Кудашкин В.А. Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920-1980-е гг. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики*. 2012. № 3-2. С. 102-105.
8. Шевченко Л.А. Инициативы женщин Байкальского региона по решению демографических проблем территории // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2008. С. 299-302.
9. Кудашкин В.А. Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х - 1991 гг. Братск: Брат. гос. ун-т, 2009. 172 с.
10. Кудашкин В.А. Медицинское обслуживание малочисленных этносов Иркутской области и Красноярского края в 50-80-е гг. XX в. // *Вестн. Помор. ун-та. Сер. Физиологические и психолого-педагогические науки*. 2007. № 4. С. 25.
11. Бояринова М.М. Адаптация коренных малочисленных народов Сибири к новым социокультурным условиям развития // *Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. Иркутск*, 2013. С. 356-359.